

3. *Заярная И.С.* Неobarocko в русской поэзии второй половины XX столетия: динамика эстетических систем: Учебн. пособие. – К., 2009.
4. *Иконникова Е.А.* Краткий словарь метафизической поэзии. – Южно-Сахалинск, 2000.
5. *Кружков Г.М.* «...И гений, парадоксов друг»: О Джоне Донне. – Режим доступа: <http://www.stosvet.net/union/Kruzhkov/#4a>
6. *Кружков Г.М.* У.Б. Йейтс. Исследования и переводы. – М: Изд-во РГГУ, 2008.
7. *Кружков Г.М.* Ностальгия обелисков. Литературные мечтания. – М.: Новое литературное обозрение, 2001. – С. 704.
8. *Кружков Г.М.* Сложная речь (еще о метафизике) //Арион. – 2001. – №2.– Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/arion/2001/2/kruj-pr.html>
9. *Шайтанов И.О.* Уравнение с двумя неизвестными. Поэты – метафизики Джон Донн и И. Бродский// Вопросы литературы. – 1998 – № 6. – С. 3-39.
10. *Элиот Т.С.* Поэты – метафизики // Литературное обозрение. – 1997. – № 5. – С.42-46.

УДК 826.161.1/82-1

Н.Ю. ЧЕРТКОВА
(Херсон)

ДОСТОЕВСКИЙ В ПОЭТИЧЕСКОМ МИРЕ НАБЕКОВА

Аннотация

Черткова Н.Ю. Достоевский в поэтическом мире Набокова.

В статье рассматривается рецепция мотивов и образа писателя Достоевского в русский период творчества В.Сирин-Набокова. Стихотворения В.Набокова проанализированы через призму эссе В.Розанова «На лекции о Достоевском», прослежены их связи с другими произведениями цикла «Капли красок», сопоставлены взгляды В.Набокова на творчество Достоевского в русский и американский периоды творчества, что позволило проследить динамику и осветить новые грани проблемы Набоков и Достоевский.

Ключевые слова: традиция, полемика, специфика религиозно-поэтического сознания, влияние, заимствование

Анотація

Черткова Н.Ю. Достоевський у поетичному світі Набокова.

У статті розглядається рецепція мотивів та образа письменника Достоевського в російській період творчості В. Сіріна-Набокова. Вірші В.Набокова проаналізовано кризь призму есея В.Розанова «На лекції про Достоевського», простежено їхні зв'язки з іншими творами циклу «Капли красок», зіставлено погляди В.Набокова на творчість Достоевського в російській та американський періоди творчості, що дозволило простежити динаміку й освітити нові грані проблеми Набоков і Достоевський.

Ключові слова: традиція, полеміка, специфіка релігійно-поетичної свідомості, вплив, запозичення

Summary

Chertkova N.Y. Dostoevsky in the poetic world of Nabokov.

The reception of the motives and the character of the writer Dostoevsky in the Russian period of creation V.Sirin-Nabokov are considered in the article. Vladimir Nabokov's poems are analyzed through the prism of V.Rozanov essay «On the lecture about Dostoevsky,» traced their connections with other works of the series «Drops of paints,» compares the views of Vladimir Nabokov on Dostoevsky's work in the American period of his work, which allowed to follow the dynamics and highlight the new faces the problem of Nabokov and Dostoevsky.

Key words: tradition, controversy, the specific of religious and poetic consciousness, influence, borrowing.

Проблема культурной преемственности творчества Владимира Набокова по отношению к русской классической литературе актуальна в набоковедении. Общим местом большинства исследований является признание того факта, что эти отношения отнюдь не идиллические. И это несмотря на то, что до сих пор наблюдаются попытки представить его «поэтическим старовером» и чуть ли не эпигоном то Золотого, то Серебряного века. Во многом разброс мнений спровоцирован высказываниями самого писателя. К тому же широко известно стремление автора «Лолиты» отмежеваться от каких бы то ни было литературных влияний и заимствований.

Так, в одном из интервью Набоков весьма недвусмысленно высказывается на этот счет: «Вопрос о возможных точках соприкосновения с русскими писателями девятнадцатого века – скорее квалификационный,

чем связанный с теми или иными моими взглядами. Едва ли найдется какой-нибудь выдающийся русский писатель прошлого, которого раскладчики по полочкам не упомянули бы в связи со мной» [7, 178]. Тем не менее «точки соприкосновения» существуют, несмотря на различные модусы взаимодействия писателя с русской классикой (и не только русской). По-видимому, данным обстоятельством можно объяснить тот факт, что вплоть до 1990-х годов ориентированное на культуру творчество Набокова рассматривается преимущественно как металитературное. Это подтверждается и стабильным исследовательским интересом к изучению его интертекстуальности.

Как известно, литературные отношения имеют свою динамику, историю и могут видоизменяться в зависимости от целого ряда обстоятельств. В случае Набокова постоянным является то, что для него не существует незыблемых авторитетов. По справедливому утверждению А. Долинина, «Пушкин, Гоголь, Тютчев, Толстой, Чехов, Блок, даже не слишком любимый им Достоевский были для него не истуканы, а живые собеседники, старшие родственники, от которых он вел свою литературную генеалогию» [3]. В.Набокова вступает в диалог, а зачастую и в полемику с «властителями дум», касается это доктринальных основ христианства, мировоззренческих вопросов или творческих.

Одним из постоянных «оппонентов» является Ф. Достоевский. Оценки личности и творчества классика мировой литературы представлены в лекции «Федор Достоевский (1821-1881)» [5], диалог автора с Ф.Достоевским запечатлен в цикле «Капли красок» [6, 129], в стихотворении «Садом шел Христос с учениками» [6, 65], ему посвящены многочисленные высказывания автора. Например, книга интервью «Набоков о Набокове и прочем» [7] включает около 20 упоминаний о Ф.Достоевском, преимущественно «иконоборческих». Назовем лишь некоторые из них: «Мне совершенно не нравится Достоевский. По-моему, он просто журналист» [7, 92]; «...категорически не приемлю «Братьев Карамазовых» и отвратительное морализаторство «Преступления и наказания» [7, 387]. Более всего Набокова раздражает тот образ религиозного мыслителя – пророка, который становится едва ли не каноническим в литературе о Достоевском (С.Булгаков, Вяч. Иванов, В.Розанов, К.В. Мочульский, С. Франк). «...Его все-таки любят, почитают его как мистика, а не как художника.

Он был пророком, журналистом, любящим дешевые эффекты, никудышным комедиантом» [7, 153].

И хотя такого рода высказывания Набокова характерны для американского периода его творчества, представляется несколько односторонним вывод исследователей об авторской позиции в стихотворении «Достоевский». Сложно согласиться с мнением, что Набоков рассматривает писателя как пророка, который «предсказал и наметил бедственный век и судьбу художника, распятого между знанием о Всепрощающем и страшной реальностью изгнания» [8, 354]. Представляется более убедительной иная точка зрения, согласно которой младший классик иронизирует «по поводу пророческого дара писателя» [10, 144], а стихотворение «Достоевский», скорее, «похоже на мягкую эпиграмму. С годами позиция Набокова явно ужесточилась, но суть ее осталась прежней: слишком все сложно, запутанно и, главное, мрачно» [4].

Проблема «Набоков и Достоевский» исследована в основном на материале прозы русско-американского писателя. В поэтическом наследии В.Набокова специальным предметом изучения являются стихотворения «Достоевский» и «Садом шел Христос с учениками» (статьи К. Жукова, Б. Тихомирова, оставшиеся, к сожалению, для нас недоступными).

Применительно к прозе учеными рассматриваются такие аспекты проблемы, как причины неприятия Набоковым творчества Достоевского, аллюзивно-реминисцентные мотивы и образы Достоевского в романстике Набокова; эволюция отношения Набокова к Достоевскому в контексте проблем творчества; изучение параллели Федор Достоевский – Владимир Набоков как сложного взаимодействия двух творческих систем, в основе которого лежит логика «следования – отталкивания» (А. Долинин, С. Давыдов, Л. Сараскина, А. Злочевская, О. Меерсон, Е. Новикова, Е. Швагрукова).

Особый интерес представляет статья А.Долинина «Набоков, Достоевский и достоевщина» [3]. В ней рассматриваются романы В. Набокова, отразившие различные модусы, а также литературные приемы рецепции творчества русского классика: пародии, языковой игры, явной и скрытой полемики. Некоторые наблюдения и выводы литературоведа представляется возможным экстраполировать на изучение поэзии. Продуктивной считаем позицию, согласно которой отношение Набокова к Достоевско-

му имеет свою динамику. Она «противоречит схеме литературного “эдипова комплекса”»: именно в первый, русский период творчества, когда, по логике вещей, “озабоченность влиянием” должна носить особенно острый характер, Набоков не проявляет к Достоевскому большого интереса, спокойно относя его к числу безусловно крупных, но лично ему чуждых классиков» [3].

Как представляется, этот феномен достаточно зримо проявляется в стихах В. Сирина-Набокова, в которых присутствуют мотивы или образ писателя Достоевского. В нашей статье будут рассмотрены стихотворения «Достоевский», «Meretrix» («Блудница») и «Аэроплан» из цикла «Капли красок», а также посвященное Достоевскому стихотворение «Садом шел Христос с учениками...». Цель статьи – проанализировать стихотворения Набокова сквозь призму эссе В. Розанова «На лекции о Достоевском», выявить их место в цикле «Капли красок», что позволит высветить новые грани «парадоксальной» (А. Злочевская) проблемы «Набоков и Достоевский». Насколько нам известно, сопоставительный анализ стихотворений Набокова и эссе Розанова проводится впервые.

В цикле «Капли красок» стихотворение «Достоевский» Набоков помещает между «Meretrix» («Блудница») и «Аэропланом». Доказано, что расположение стихов в циклах отнюдь не произвольное. На этом настаивает Андрей Белый, утверждая, что «понимание или непонимание поэта зависит от умения или неумения сложить из мозаических, им рассыпанных кусочков, целую картину, в которой каждый лирический отрывок связан с другим, как система оживальных арок рисует целое готического собора» [2, 534]. Иными словами, акцент переносится на читательскую интерпретацию авторской художественной концепции мира, отраженной в цикле.

В силу сказанного возникает вопрос: как эти стихотворения – «Meretrix» («Блудница») и «Аэроплан» – «преломляемы рядом смежнолежащих», то есть стихотворением «Достоевский»? Какие смыслы приращиваются благодаря такому «соседству»? Даже если согласиться с тем, что слово «блудница» входит в первый круг ассоциаций, связанных с романами Ф. Достоевского, ответы на поставленные вопросы не лежат на поверхности.

Как представляется, «ключом» к пониманию может служить сопоставление эссе В. Розанова «На лекции о Достоевском» [9] и названных произведений Набокова. Здесь же отметим значимость фигуры Розанова для ниспровергателя авторитетов, коим считается автор «Ады», высокую оценку его творческого дара. Именуя русского религиозного философа замечательным писателем, «сочетавшим блески необыкновенного таланта с моментами поразительной наивности», поэт упоминает факт их личного знакомства [5, 180]. К сожалению, нам не удалось найти сведений о том, был ли розановский текст известен Набокову. Вместе с тем весьма показательны совпадения на концептуальном, композиционном и образном уровнях текстов.

Основная мысль эссе Розанова такова: мировосприятие и творчество Достоевского являет «образец величайшего диалектического писателя. Гений Достоевского покончил с прямолинейностью мысли и сердца; русское познание он невероятно углубил, но и расшатал...» [9]. Одним из ярких примеров такой диалектики Розанов считает образ Сони Мармеладовой. Писатель «христианским образцом разбил ветхозаветное “не прелюбодействуй”; да разбил так, как этого и Евангелие не смогло сделать. “Праведная блудница” стала возможным словом в нашем языке» [9]. Об этом пишет В.Набоков в стихотворении «Meretrix» («Блудница»): «Не изменяя чистоте / своей таинственной, – кому бы / ни улыбались в темноте / твои затравленные губы» [6, 128]. Обратим внимание на сочетание в этих строках ключевых для Достоевского понятий – чистота, красота, страдание, хотя и эстетизированных поэтом в «уайльдовском» духе. Справедливости ради отметим, что в американский период творчества «чувствительные убийцы и высокодуховные проститутки» для Набокова станут «просто невыносимы» [7, 153].

Развивая тезис о диалектике религиозного сознания великого русского писателя, В.Розанов акцентирует две его черты: апокалиптичность и профетизм. «Разве Евангелие не повалило в яму и Рим и Грецию, как щенков? Сказано – “прейдед лик мира сего”. Кстати, это “прейдед” с такою любовью нет-нет да и повторит Достоевский. Очень любил он это “прейдед”. При всей ненависти к революции, он так охотно служил “отходную” нашей цивилизации» [9]. Как представляется, не концептуали-

зируя понятие (оно возникнет позже), Розанов называет черты Русского Христа – «мистической сущности, которая объединяет всех» [12, 114–115], феномен которого тесным образом исследователи (Н. Лосский, А. Веселовский, В. Сахаров, Д. Мережковский, Н. Бердяев, Г. Федотов, И. Ильин, Н. Струве) связывают с Достоевским. Его Русский Христос, «сошедший в глубины ада», «находится в самом средоточии зла» [1, 116]. Апокалипсическое, глубоко русское мировосприятие Достоевского воплощается в литературе и трагической судьбе России, поскольку, по Розанову, «весь путь русской революции предсказан заранее, или, вернее, рассказан им был наперед в типах» [9].

Аналогичные оценки поэтически выражены В.Набоковым: «В своем пророческом бреду / он век наш бедственный наметил» [6, 129]. В оксюморонной характеристике русского писателя («тоскуя в мире, как в аду, / – уродлив, судорожно-светел») аллюзивно прочитываются известные строки из «Братьев Карамазовых» о метаниях русского человека между крайностями: «идеал содомский *переходит* в идеал Мадонны; и обратно, среди Содома-то и начинает мелькать идеал Мадонны» [9]. Как видим, Розанов акцентирует такую черту поэтики Достоевского, как парадоксальное смешение красоты и безобразия – «праведного убийства и святой проституции».

Однако при указанных схождениях вывод Набокова несколько иной, что объясняется спецификой религиозно-поэтического сознания поэта. Для него Божий мир – это гармоничная и прекрасная во всех проявлениях икона Творца. Аполлоническому типу личности Набокова чужды «судорожные метания» великого писателя, амплитуда раздумий и симпатий которого «разгоняется» от апофеоза проституткам, каторжникам, убийцам, алкоголикам до «*вещественного огонька*» древнего ада» [9]. Тем не менее, поэт-эстет попадает под обаяние его творчества, не пройдя мимо растиражированного в современном мире афоризма писателя о спасительной силе красоты. Как представляется, об это написано в третьем стихотворении цикла под названием «Аэроплан», в котором продолжается скрытая полемика с Достоевским.

Если судить по заглавиям («Достоевский» и «Аэроплан»), то между стихотворениями нет ничего общего. Однако розановское эссе подсказы-

вает ключ к прочтению последнего. В заключительной части произведения религиозный философ задает риторический вопрос: «Что осталось и после Достоевского?» и отвечает на него так: «Красота вещей» [9]. Как представляется, об этом размышляет и Набоков. Интертекстуальная перекличка текстов эссе Розанова и стихотворения Набокова, кроме семантической доминанты, зафиксирована общими ключевыми словами: крылья, полет, небеса. Они символизируют «неоспоримую ни на чей взгляд красоту», которая «так высоко лежит, что ее никто не умеет взять» [9].

У Розанова одним из воплощений этой высокой красоты является Евангелие. Для Набокова «давно задуманные крылья» – «символ духовности, воображения, мысли» [11, 321] – это творчество: «И мысли гордые текли под музыку винта и ветра» [6, 129]. «Полету», то есть свободному творчеству, благодаря которому познается красота и художник возносится над обыденностью, автор противопоставляет «бред геометра». Его удел – лицезреть «дно исцарапанной земли». Показательно, что в эссе Розанова также есть лексема «дно», но с иными коннотациями. Речь идет о «дне евангельских глубин», которых достиг в своем творчестве Достоевский. Наше предположение о том, что в подтексте стихотворения «Аэроплан» «зашифрована» личность автора «Бесов», подтверждает метафорический эпитет «пророческий бред» из стихотворения «Достоевский». Он перекликается со словосочетанием «бред геометра», то есть одномерным, а потому схематичным взглядом на мир.

Более поздние источники подтверждают, что Набоков весьма иронично оценивает религиозные взгляды Достоевского-мыслителя: «Религиозные мотивы тошнотворны своей безвкусицей» [5, 209], это «угрюмый мир холодного умствования, покинутый гением искусства» [5, 218]. (Ср. у Розанова: «...вывод самого скорбного Федора Михайловича о мире и жизни, ...*угрюмо* сказанный» [9]). По-видимому, тенденциозность романов Достоевского является одной из причин, по которой эстет Набоков, в отличие от религиозного философа Розанова, отказывает им в художественности.

Набоков считает творчество великого писателя ангажированным, его раздражает культ Достоевского во второй половине XX века, например, у писателей-экзистенциалистов. По остроумному замечанию А. Долинина,

такое заявление для Набокова – «одна из вопиющих селекционных ошибок мировой культуры, незаслуженно повысившей соотечественника в литературном чине» [3]. Но неприятие мрачного мировосприятия русского классика наблюдается гораздо раньше, еще у писателя В. Сирина.

Явная полемика с Достоевским содержится в известном стихотворении Набокова «Садом шел Христос с учениками...», написанном, как сказано в эпиграфе, «На годовщину смерти Достоевского» [6, 65-66]. Поэт создает стихотворение-апокриф, в котором смоделирована реакция Христа и его учеников-апостолов на омерзительный труп собаки, оскверняющий роскошное благоухания сада. Автор не скупится на экспрессивно-натуралистические подробности, отдавая щедрую дань эстетике безобразного. Прекрасное, воплощенное в образе сада (полисемантический символ с богатым ассоциативным шлейфом), противопоставлено безобразному: «зловонным торжеством смерти» выступает разлагающаяся плоть. Как известно, в христианской системе ценностей безобразное в природе и человеке рассматривается как следствие грехопадения и порчи именно в саду. Однако вряд ли смысл произведения исчерпывается столь незамысловатой антитезой и аллегорией.

Как представляется, в небольшом стихотворении автор актуализирует вопросы, чрезвычайно близкие Достоевскому, но по-своему интерпретированные Набоковым. Уходя от прямых аналогий, предполагаем, что в стихотворения закодирована полемика с Достоевским относительно взгляда на мир. В пространстве стихотворения сталкиваются две точки зрения на бытие. Одна принадлежит апостолам – Иоанну и Матфею, другая – Христу. Они видят один предмет, но созерцание гниющей формы побуждает апостолов к назидательно-дидактическим высказываниям о воздаянии за грехи: «Злой был пес: и смерть его нага, / мерзостна». В отличие от учеников, безобразное не заслоняет Спасителю красоты божественного Универсума: «Христос же молвил просто: / “Зубы у него как жемчуга”». Стоит ли говорить, на чьей стороне симпатии автора, для которого неприемлемы дисгармоничность бытия и акцентуация страданий? Как представляется, Набоковым утверждается мысль, берущая начало в раннем христианстве: связывая безобразное со злом, он не признает за ними онтологического статуса. Поэт категорически не согласен с Достоевским, который в истине «видел нечто ужасное, состоящее из крови и

слез, истерики и пота» [7, 224]. Аполлоническому мировосприятию Набокова в корне чужд такой взгляд на жизнь, на мир как Его творение. Намного позже в одном из интервью он произнесет поразительно светлые, полные искреннего восхищения этим Божьим даром слова: «Моя жизнь – это свежий хлеб с крестьянским маслом и альпийским медом» [7, 291].

Таким образом, в русский период творчества В.Сирин-Набокова рецепция мотивов и образа Достоевского осуществляется преимущественно в полемическом модусе, однако свободном от излишней оценочности. Она появится позже, в американский период его творчества, преимущественно в эссеистике и литературно-критической деятельности. Для поэта Набокова более характерно осмысление достижений русского классика, нежели наследование его традиции. Религиозно-философские взгляды Ф.Достоевского далеки от взглядов В.Набокова прежде всего в неприятии последним страданий как основы христианского понимания жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Альтицер Т.* Россия и апокалипсис // Вопросы философии. – 1996. – №7. – С. 110-125
2. *Белый Андрей.* Вместо предисловия // *Белый Андрей.* Стихотворения и поэмы / Вступ. ст., подг. текста, состав., примеч. А.В.Лаврова, Джона Малмстада. – Т.2. – СПб.; М.: Академический проект, Прогресс-Плеяда, 2006. – 654 с.
3. *Долинин А.* Набоков, Достоевский и «достоевщина» // Старое литературное обозрение. – 2001. – №1. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/slo/2001/1/dol.html>
4. *Злочевская А.В.* Художественный мир Владимира Набокова и русская литература XIX века. – М.: Издательство МГУ, 2002. – 188 с. Режим доступа: <http://www.bogoslov.ru/text/374881.html>
5. *Набоков В.В.* Федор Достоевский (1821-1881) // *Набоков В.В.* Лекции по русской литературе / Пер. с англ. – М.: Издательство «Независимая газета», 1998. – С. 175-220.
6. *Набоков В.В.* Стихотворения / Подг. текста, сост., вступ. статья и примеч. М.Э. Маликовой. – СПб.: Академический проект, 2002. – 655 с.
7. Набоков о Набокове и прочем: Интервью., рецензии, эссе / Сост. предисл., коммент., подбор иллюстраций Н. Мельникова. – М.: Издательство «Независимая газета», 2002. – 704 с.

8. Новикова Е.Г. В.В. Набоков и Ф.М. Достоевский: курс «личного отчаяния» // Достоевский и XX век: В 2 т. / Под ред. Т.А.Касаткиной. – Т.1 – М.: ИМЛИ РАН, 2007. – С. 347-357.

9. Розанов В. На лекции о Достоевском. – Режим доступа: <http://www.vehi.net/rozanov/dost3.html>

10. Швагрукова Е.В. В.В.Набоков и Ф.М.Достоевский: история противостояния и ее рецепция в набоковедении // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2012. – №1. – С. 144-148.

11. Энциклопедия символов, знаков, эмблем. – М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2005. – 608с.

12. Эткинд А. Хлыст (Секты. Литература и революция). – М.: Новое литературное обозрение, 1998. – 688 с.

УДК: 82-1 (477)

С.О. ЄВТУШЕНКО
(Київ)

ГРОМАДСЬКО-ПОЛІТИЧНА ЛІРИКА Б. ГРІНЧЕНКА В КОНТЕКСТІ СЛОВ'ЯНСЬКОЇ ПОЕЗІЇ КІНЦЯ ХІХ – ПОЧАТКУ ХХ СТ.

Анотація

У статті розглянуто громадсько-політичну лірику Б. Грінченка із урахуванням контекстуальних зв'язків зі слов'янською поезією кінця ХІХ – початку ХХ ст. З'ясовано превалювання громадської тематики в поетичній творчості митця, а також підкреслена спроба автора оновити та поглибити тематичні обрії громадянської лірики. Особливий акцент зроблено на наявності типологічних паралелей Грінченківських ліричних творів із поезіями провідних слов'янських митців, зокрема чеських та польських.

Ключові слова: громадсько-політична лірика, контекст, чеська поезія.

Анотация

В статье исследуется общественно-политическая лирика Б. Гринченко с учетом контекстуальных связей со славянской поэзией конца ХІХ – начала ХХ в. Выяснено превалирование общественной тематики в поэтическом творчестве писателя, а также подчеркнута попытка автора обновить и углубить тематические горизонты гражданской лирики. Особый акцент сделан на наличии типоло-